

БЕЗ ОДНОЙ НОГИ

АРТЕМЬЕВ АЛЕКСЕЙ

18+

MARI KORTES 2023

Алексей Артемьев

Без одной ноги

«Автор»

2026

Артемьев А.

Без одной ноги / А. Артемьев — «Автор», 2026

Можно ли начать жизнь заново, если прошлое держит тебя на цепи? Каждый вечер Альбрехт приходит к телефонной будке, чтобы услышать голос брата, которого давно нет. И однажды брат наконец-то отвечает. Но вместе с надеждой в жизнь Альбрехта врывается незнакомка по имени Валерия. Её история о деде-шулере и давнем предательстве странным образом перекликается с кошмарами Альбрехта о войне. Чтобы обрести будущее, ему придётся спуститься в самое пекло своего сознания. Цена свободы может оказаться непомерной.

© Артемьев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Иов услышал Бога.	5
Глава вторая. Воскрешение Лазаря.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алексей Артемьев

Без одной ноги

Глава первая. Иов услышал Бога.

Морозный вечер. Было около семи часов. Солнце, давно скрывшееся за горизонтом, оставило после себя лишь холодную синеву. Густой молочный туман окутал весь городишко, заполняя в узкие переулки между покосившимися домами. Над этим унылым мирком сгустились тяжёлые облака, похожие на гигантское пепельное покрывало, наброшенное на спящий город.

Альбрехт Фридман брёл по пустынной улице, шатаясь, как пьяный, хотя ни капли не был пьян. Ноги, словно чужие, предательски подкашивались, едва волочаясь по мёрзлой земле, будто жили собственной жизнью. Белые, дрожащие пальцы впились в живот, пытаясь заглушить тошнотворную смесь голода и стыда. Голова пылала адским пламенем; ему чудилось: ещё миг, и череп, раскалившись докрасна, с треском лопнет, разбрызгав содержимое вокруг.

Внезапно в глазах всё помутнело – мир закачался и поплыл. Альбрехт пошатнулся, ноги подкосились, и вдруг – оглушительный грохот, сотрясший землю. Будто сам ад раскрылся под ногами. Альбрехт содрогнулся. Сознание вернулось резко, будто его окатили ледяной водой из проруби.

Воздух сгустился едкой взрывной пылью, которая въедалась в глаза и горло. Сквозь мутную завесу пробивался запах пороха и чего-то затхлого. И тогда он увидел...

Люди метались в дыму: одни – куда-то вперёд с бессмысленной решимостью, другие – пятились назад, а третьи... уже никуда, навсегда застыв в неестественных позах. Это были солдаты. Они издавали бессвязные звуки: мычали, истерически хохотали, а кто-то молчал, уставившись в пустоту. Слышались одиночные выстрелы, пулемётные очереди. Вся эта адская симфония сливалась в один кошмарный гул.

Сквозь клубы удушливого дыма мелькали зловещие очертания проволочных заграждений, усеянных человеческими телами. Они судорожно дёргались, хрипло взывая к небесам о помощи, но разве мог им кто-то помочь? Каждый, кто осмеливался подползти к этим беднякам, тут же получал пулю и оставался лежать рядом с теми, кого в слепой надежде пытался спасти, пополняя собой скорбную коллекцию смерти.

А среди этой преисподней, среди этих изуродованных тел, копошились тёмные тени – жирные крысы размером с кошку. Они уже принялись за своё пиршество, обгладывая холодные и побледневшие трупы, но, чуя слабость, набрасывались и на раненых.

Вот солдат без ноги слабо отмахивается от них окровавленной, дрожащей рукой. Но крысы уже окружили его, выжидая лишь момент, когда последние силы покинут несчастного...

Альбрехт замер, будто сквозь его сапоги проросли корни и намертво приковали к земле. Его широко раскрытые глаза застыли в немом крике, отражая весь ужас мира. Это был тот страх, когда душа цепенеет раньше тела. В груди бешено колотилось сердце, ему хотелось кричать, но ни единого звука не вырвалось из горла, будто рта и не существовало.

Он дёрнулся всем телом, мышцы натянулись, как струны, но ноги не слушались. Так и застыл Альбрехт, впитывая открывшуюся перед ним бездну ада.

– Ложись! – раздался за спиной резкий окрик, и чья-то сильная рука грубо толкнула его в спину. Он не успел понять, что происходит, как уже лежал на земле, почувствовав, как рядом с глухим стоном рухнуло чье-то тело. В тот же миг – ослепительная вспышка, грохот, разрывающий барабанные перепонки...

Когда дым рассеялся, Альбрехт приподнялся и увидел незнакомца. Перед ним стоял человек в потёртом синем мундире, с саблей в руке. Тёмно-русые волосы, выбившиеся из-под

шляпы, резкие черты лица, холодные, как лёд, голубые глаза, в которых читались безумие, величие и какая-то невыносимая тоска...

Альбрехт застыл. Он не верил своим глазам, но черты лица, осанка, этот пронзительный и властный взгляд – всё вместе свидетельствовало об одном.

– Франция! Армия! Жозефина! – проревел он, и голос его звучал, как последний бой погибающей империи.

И прежде чем Альбрехт успел что-то сказать, незнакомец рванулся вперёд, исчезнув во тьме.

Он стоял неподвижно. В ушах ещё звенело от взрыва. Перед глазами плавали тёмные пятна. Альбрехт медленно моргнул, потом ещё раз, провёл ладонями по лицу, и всё исчезло. Когда видение рассеялось, он очутился на той же улице. Затем он, кое-как успокоившись, выпрямился и пошёл дальше, будто ничего не случилось.

– Не верю. Ни одной минуты не принимаю это за правду. Всё это ложь, болезнь моя, игра расстроенных нервов. Только я не знаю, как избавиться от них, и вижу, что некоторое время нужно мне потерпеть.

Вскоре перед ним возникла телефонная будка, чугунная, покрытая ржавчиной, с побитыми стёклами. При каждом порыве ветра её дверь скрипела на петлях, словно стонала. Рядом тускло мигал уличный фонарь, отбрасывая на стену дрожащие тени, похожие на пауков.

Альбрехт протянул руку к дверце будки и рывком распахнул её. Морозный металл обжёг пальцы. Единственная лампочка внутри была разбита, и тусклый свет фонарного столба едва пробивался сквозь запylённые стёкла. Воздух был пропитан запахами табачного дыма и ржавчины. Под ногами валялся разный мусор: окурки, осколки стекла, смятые газеты, а в углу – заплесневелая перчатка. Стены были испещрены телефонными номерами и непристойными надписями. Таксофон, покрытый пылью и жирными отпечатками, висел криво. На монетоприемнике виднелись следы попытки взлома. Трубка болталась на перекрученном шнуре.

Он подошёл к аппарату и засунул руки в карманы, нащупывая монету. Достав металлический кружок, он опустил его в монетоприемник, затем с усилием повернул скрипящий диск набора номера.

Взяв трубку, он прислонился к холодной стенке и замер в ожидании. Внутри всё сжалось. Он был уверен, что сегодня, как вчера, как и во все предыдущие дни, никто не ответит. Нет смысла в том, что он каждый день приходит в это место, в этой надежде услышать тот голос. Зачем он здесь? Ноги несли его сюда сами, будто некий долг, вшитый в мозг, сильнее всякой логики.

Гудки. Пять долгих и монотонных минут. Альбрехт чувствовал, как силы покидают его. Пальцы уже готовы были разжаться, отпуская трубку.

Он медленно сполз по стенке, опускаясь на корточки. Тело больше не подчинялось ему. О, как ему хотелось исчезнуть, уйти в то место, где тихо и пусто, где можно перестать ждать. Казалось, сама судьба, склонившись к нему, шептала: «Хватит».

Но в самый последний миг, когда сознание уже было готово погрузиться в неизвестную тьму, из устройства донёсся едва уловимый звук.

– Алло? – раздалось в трубке, и мир Альбрехта перевернулся. Лицо его побелело, как мел, глаза неестественно расширились, веки зачастили, пытаясь сдержать нахлынувшие чувства. Пересохшие от невысказанных слов губы разомкнулись, выпустив всего лишь хриплый стон. В это время всё его существо было поглощено одним. Этот голос.... Тот самый, который он боялся забыть. Теперь же он осознал, что никогда по-настоящему не забывал.

Альбрехт резко вскочил, будто его ударило током. Пальцы впились в телефон так, что побелели костяшки, а трубка затрещала под напором крепкой хватки. Он прижал её к уху обеими руками, словно пытаясь удержать голос, который мог развеяться от малейшего неверного движения.

– Эмиль... – произнёс Альбрехт, и это имя, годами томившееся в горле, наконец, вырвалось наружу, смешавшись со слезами.

– Да, Эмиль Фридман... – голос в трубке дрогнул, затем окреп. – Братишка, неужели это... – начал он, но его перебили.

– Я! – крикнул Альбрехт, и это короткое слово, отразившись от стен будки, раздалось громче выстрела. – Да, это я, твой брат, Альбрехт! – он прижал трубку к груди, сжимая её так, будто через неё мог передать все невысказанные за эти годы объятия. Потом снова поднёс к уху, боясь пропустить малейший звук, и продолжил:

– Дорогой мой, ты даже не представляешь. Каждый вечер я приходил сюда, набирал твой номер и слушал, как гудки растворяются в тишине. Это молчание... – он затрепетал. – Оно въедалось в сердце, как ржавчина. А сейчас!

Слова лились потоком, путались, одно набегало на другое: «Ты хоть ешь нормально? Где живёшь, есть крыша над головой?».

Но сквозь речи пробивался смех Эмиля – хриловатый, но тёплый, как луч солнца сквозь тёмные тучи.

– Я бы с радостью ответил на всё, только... – он затих. – Сегодня не смогу тебя порадовать. Но знай, у меня всё хорошо. Надеюсь, и у тебя тоже.

Пауза повисла между ними, наполненная тихим дыханием в трубке.

– Давай завтра в это же время созвонимся. По рукам? Тогда всё расскажу. И ты мне....

– Договорились! – воскликнул Альбрехт, прижимая телефон так близко, что губы коснулись холодного пластика. – Буду ждать. Каждая минута теперь – целая вечность... – он провёл ладонью по лицу, смахивая капли пота и слёзы. – Чёрт, вряд ли я засну. Но постараюсь, лишь бы время бежало быстрее, и настал следующий день.

В голосе его прозвучал хриплый, но счастливый смешок.

– Спи спокойно, брат. Пусть приснится тебе... ну, скажем, бабушкин пирог.

– И тебе, – отозвался Эмиль, и в его смешке слышалась такая теплота, будто он обнял брата на расстоянии. – Сладких снов.

Альбрехт осторожно положил трубку и молнией выбежал из будки. Ноги сами несли его вперёд – домой, к тикающим часам над письменным столом, к завтрашнему разговору. А ведь совсем недавно он находился в совершенно ином состоянии.

Три дня назад, вернувшись с работы, он рухнул на диван и разрыдался в подушку, не издавая ни звука; лишь изредка вздрагивали его плечи. Пролежав так минут пятнадцать, он поднялся с покрасневшими глазами, подошёл к буфету и достал бутылку дорогого вина – подарок друзей.

Тогда он заявил им: «Благодарю за щедрость, но пить эту гадость не стану, хоть убейте. Оно делает людей глупыми... пошлыми... Алкоголь – большее зло для нас, чем голод, война и чума вместе!» Он даже сравнивал людей с обезьянами, утверждая, что те разумнее: «Попробовав спиртное однажды, ни одна мартышка больше не притрагивается к нему, тогда как люди, один раз пристрастившись, не могут избавиться от этой привычки».

Но, как и многие, Альбрехт не сдержал слова – к утру бутылка стояла почти пустой. Проснувшись, он не мог подняться: даже повернуться было непростой задачей. С трудом написав записку начальнику с расплывчатыми объяснениями, он передал её через вдову, жившую напротив.

Три дня Альбрехт не появлялся на работе. Целыми днями он лежал на скрипучем диване, закутавшись с головы до пят в засаленное одеяло, в пропотевшей рубашке, прилипшей к спине, в грубошёрстных брюках, пропитанных запахом пота. Сапоги, сброшенные впопыхах, валялись неподалёку у ног, покрытые уличной грязью. Лицо заросло неопрятной щетиной.

Жара стояла невыносимая. Пот струился по всему телу, но Альбрехт лежал неподвижно, даже не пытаясь скинуть промокшее одеяло, словно неживой. Со стороны можно было подумать, будто это покойник под саваном.

Ноги его не слушались, руки дрожали, как у старика, всё тело горело. Он чувствовал себя навозным жуком, перевёрнутым на спину – таким же беспомощным, прикованным к земле собственной ничтожностью, обречённым лишь судорожно дёргать тонкими лапками, бессмысленно цепляясь за пустоту.

Только когда голод становился нестерпимым, он с трудом поднимался и, шатаясь, хватался за стулья или полз на четвереньках, оставляя на полу влажные следы от босых ног. Немного поев, тут же валился обратно, вновь проваливаясь в бездну между сном и реальностью. Взгляд его снова устремлялся к потолку, где трещины сплетались в зловещие узоры, напоминавшие то улыбающиеся гримасы, то петли...

И, несмотря на это, ровно в семь часов вечера Альбрехт, преодолевая слабость, выползал из своей каморки и снова плёлся к телефонной будке, как и во все предыдущие дни.

Но теперь холодный ветер хлестал по лицу, а он бежал и улыбался, повторяя про себя: «Брат жив. Завтра».

Ворвавшись в дом, он неловко сбросил сапоги – один отлетел под стол, а шинель перекинул через спинку стула, где та и повисла, съехав набок. Повалившись на диван, Альбрехт устался в потолок. Веки отяжелели, но сон никак не шёл. Мысли, словно вспугнутые выстрелом птицы, металась в голове. Всё казалось неправдоподобным: мираж ли это, болезненный бред или сладкое сновидение? Сердце колотилось, будто стремилось вырваться из груди. Он ворочался, сжимая подушку, напрасно надеясь приблизить завтрашний день.

Завтра. Завтра он узнает, где же все эти годы был Эмиль, что с ним теперь. Слова, так долго копившиеся где-то глубоко внутри, наконец-то найдут выход и обретут свободу, утраченную с того самого дня.

Когда терпение иссякло, он поднялся и подошёл к окну. Резко дёрнув занавеску, Альбрехт замер. Улица, ещё недавно погружённая в хаос и мрак, теперь дышала волшебством. Небо, усыпанное звёздами, раскинулось над спящим городом, а огромная, яркая луна заливала светом деревья, превращая листву в серебро.

Внизу, на скамейке, лежал мужичок с бутылкой в руке. Альбрехт почувствовал, как в горле запершило от смеха. Так и хотелось выбежать, обнять человека и крикнуть: «Жив! Мой брат жив!». Он уже натянул сапоги, схватил шинель, но у двери вдруг остановился, осознав абсурдность порыва.

Раздевшись и наскоро перекусив, он взял из шкафчика рисунок и повалился на кровать. На переднем плане были изображены два чётких мужских профиля, а фон был закрашен небрежными мазками карандаша.

Долгое время он лежал с закрытыми глазами и рисунком в руках, предаваясь беспорядочным мечтаниям, но всё же глубокий, как пропасть, сон мгновенно накрыл его, озарённый лунным светом.

Глава вторая. Воскрешение Лазаря.

Утро выдалось на редкость ясным. Солнце било в лицо из окна так сильно и настойчиво, что Альбрехт зажмурился и отвернулся к стене. Хоть он и лёг глубокой ночью, а встал с первыми петухами, выспался на удивление хорошо, и в голове не было тяжёлой мути.

Ноги, ещё вчера едва державшие его, теперь бодро несли к умывальнику. Руки, дрожавшие прежде как у паралитика, набирали воду спокойно. Даже лицо, недавно серое как асфальт, порозовело, точно кто-то зажёл внутри крошечный огонёк.

Завтрак – чёрствый хлеб, в котором опилок было чуть ли не больше, чем муки, – он ел с таким наслаждением, будто перед ним лежал изысканный штоллен с рождественской ярмарки.

Но сегодня Альбрехт не просто умывался, одевался и завтракал, как в обычные дни. Он делал всё это с непривычной лёгкостью. Казалось, он похож на Сизифа, который после тысяч попыток всё же вкатил камень на вершину, сбросил проклятие и вдохнул полной грудью, ощутив головокружение от неожиданной свободы.

Альбрехт шагал на работу, слегка припрыгивая и насвистывая мелодию, которую когда-то в детстве играл с дворовыми мальчишками на губной гармошке. Его сапоги, обычно едва волочившиеся по дороге, теперь отбивали чёткий ритм, будто вторили весёлой польке. Он готов был подойти к любому встречному, пожать руку каждому и завести разговор о погоде.

Прохожие замедляли шаг, разглядывая его с недоумением. На их лицах читались немые вопросы: «Не пьян ли этот человек в потрёпанной шинели? Уж не сошёл ли с ума?». Но он не замечал этих недоумевающих взглядов. Альбрехт сиял, будто только что нашёл сундук с золотом.

В цехе он был безмолвным призраком. Рабочие невольно сторонились его, как нечистого места. Его движения напоминали работу механизма: ни улыбки, ни лишних жестов, только редкие фразы, будто искры из-под пресса.

Когда к нему обращались, он отвечал кивком или сиплым, словно проржавевшим «да», а порой просто замирал, уставившись в лицо собеседнику взглядом, от которого бессознательно холодело внутри, а иногда даже хотелось плакать. Лишь с Шульцем, этим толстым, вечно потеющим начальником, он говорил чуть больше, но и те беседы сводились к фразам «пресс заело», «подшипник треснул» и прочим фразам того же рода.

– Почините к пятнице, – ворчал Шульц, поправляя запотевшие очки. Альбрехт молча кивал и растворялся среди станков. «Родился с гаечным ключом в руках и заклёпкой вместо языка», – язвили рабочие, но шутки затихали, стоило им встретиться с его глазами – холодными, как сталь, и пустыми, как разбомблённый город.

Но в этот раз случилось нечто невообразимое. Он влетел в цех, хлопнув дверью так, что задрожали закоптелые стёкла, и с потолка посыпалась пыль. Первым делом направился к Брунгильде Штерн, той самой вечной ворчунье, чей взгляд останавливал даже станки. Сделав преувеличенно низкий поклон, будто придворный перед графиней, Альбрехт почтительно поцеловал её руку. Брунгильда замерла и покраснела, лишившись дара речи.

Этот день стал днём чудес. Он обходил каждого рабочего, пожимая руки с такой искренностью, будто они были старыми друзьями. Говорил с таким жаром, заводя разговоры на самые неожиданные темы, что слова, казалось, вылетали из него, как искры из кузнечного горна, а глаза горели непривычным огнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.